

* * *

Вдохновение – дуновение,
Обожгло, распахнуло, ушло...
Остаются талант и умение,
Остаются работа и рвение,
Остаются радость и зло, –
Всё, но только не ремесло.

* * *

Я стихи потерял!
Вы случайно их не находили?
На дороге степной,
 что в родное приводит село,
Обронил я строку:
 «Мы с тобой здесь счастливыми были».
Для кого говорил?
 Всё пустынно. Тревожно. Бело.

Я стихи потерял!
 В невысоком задымленном доме,
Где с окоца овца у порога скользила ногой,
Примечтались слова
 «Ветер новой судьбы нас догонит».
А быть может, не я сочинил их,
 а кто-то другой?

Я стихи потерял! Незабытые, где вы, сироты?
Мне без вас тяжело.
 Ни к чему мне без вас. Ни к чему!
Приходите.
 Для вас я не ставлю резные ворота.
У калитки стою,
 что открыта в далёкую тьму...

* * *

Если вдруг грустью окрутит вас туго,
Если из глаз пометёт зимой, –
Пускай почтальон
 принесёт вам от друга
Тёплое
 маленькое
 письмо.

Если пойму, что мне не подняться, –
Пусть не пробьётся слеза из-под век!

Не дай
 над бессилием
 разрыдаться,
Напиши мне,
 пожалуйста,
 человек!

СОСНА

Звенело море в штормовом порыве,
Срывающая космы мрачные со дна.
На каменистом вздрогнувшем обрыве
Сцепила корни старая сосна.

Она стонала, трескалась, скрипела,
Рвалась кора на горестном стволе.
Как жить хотело бронзовое тело
На круто повисающей скале!

Но навалился берег диким шквалом,
С кипеньем в берег врезалась волна,
Сосна, ломая сучья, вниз упала,
В слепое море рухнула сосна.

...Я в бор вхожу спокойно и устало.
Живут здесь в кронах медленные сны.
Здесь лучше видно, отчего не стало
На скользких скалах бронзовой сосны.

* * *

Жила деревня – старая, сырая,
В дымах спокойных крыши утопя.
Как сторожа, у кряжистых сараев
Столетние стояли тополя...

Деревни нет. Распаханы проулки,
Селяне где-то признали жильё.
Растрёпано, распахнуто, сутуло
Над пустырём горюет топольё.

Кого позвать, порадовать, приветить?!
Попробуй дозвонись-ка, докричи...
Один.
И бьёт по веткам сильный ветер.
Один.
И в гости не летят грачи.

* * *

Никуда от детства нам не деться,
Не укрыться в солнечных лучах.
Детство, позови меня погреться
На уютном пахнущих печак.

Постели тулупишко овчинный,
Книжку о пиратах принеси...
Чтоб тайком заплакать без причины –
От чего, попробуй, допроси.

В детство я хочу не мимоходом,
Не на день и не на два на печь,
А чтоб вечно слышать в дымоходах
Ветра заколдованную речь.

Надо было потеплей одеться...
Ой, какая вьюга помела!
Взрослые, – не можем мы без детства,
Если вдруг не можем без тепла.

* * *

Есть дом и тополиный двор,
Которых я не знаю тише.
Здесь мой спокойный разговор
И просто, и свободно дышит.

Ещё есть чистое окно,
Что смотрит в сторону заката.
В нём свет настоян, как вино
В бокале чуть холодноватом.

Здесь женщина живёт давно.
Её всегда я слышал рядом
В тот миг, когда смотрел в окно
Сквозным и бесконечным взглядом.

* * *

Встаёт на крышу длинноногий аист,
Дельфин приводит в бухту корабли,
Весною снег под яблонею тает,
Перед зимой тоскуют журавли.

Плакучие не веселятся ивы,
Под бурю не гнутся тополя,
От радости не прыгает счастливый,
А добрый не хранит на сердце зла.

Пересыхают маленькие реки,
Большие – собираются в моря...
Не затухает над землёй заря.
Живут мечты и силы в человеке.

* * *

В моем краю осыпались леса,
Пришла пора унылая и злая,
А у меня теплеют здесь глаза.
Глаза теплеют. Почему? Не знаю.

Плотнее ветер, и далече даль.
Спокойней шаг, и тяжелее плечи.

Глаза теплеют, и светла печаль –
В моей деревне затопили печи.

Плывут дымы – оврагами, жнивьём,
Как сотни лет над родиною плыли.
Идут года... Мы жили и живём.
Глаза теплеют. Печи затопили.

Я ОПОЗДАЛ...

Я опоздал к отлёту журавлей.
Я поздно вышел. Трудная погода
Уже пошла по сумраку полей
Ронять и сеять стынувшие воды.

Но мне сказал сибирский мой сентябрь,
Что где-то тихо за Уралом синим
Они летят, усталые, летят
И покидают милую Россию.

А в том краю и друга даже нет.
Но я прошу любого, как собрата:
«Вы посмотрите журавлям вослед
И пожелайте скорого возврата».

ПЕСЕНКА

Прилетели с громкой сплетней
Сто сорок в осенний сад...
То ли это дождь последний,
То ли первый снегопад?

Мне припомнилось о лете,
Потому и скучен взгляд...
Этот дождик не последний,
И не первый снегопад.

А во всём угрюмом мире
Всяк чему-нибудь да рад...
Ждут, наверно, дождь последний,
Или первый снегопад.

* * *

В тёплый дом из ночного тумана
Я приду и зажгу яркий свет.
Посмотрю за оконную раму –
Никого там, наверное, нет.

Так и есть – никого. Лишь на ветках,
Что развесила старая ель,
От земли и до самого верха
Тяжелее густая капель.

В тихий час на исходе апреля –
Спи, мой сад, в ожиданье тепла!..
Это я не усну, не поверив
До конца, что Она не пришла.

В ДОМЕ

Хотелось мне одну тебя любить,
Но вырос лёд, что был когда-то тонок.
И в доме нашем нечем истопить.
И плачет в доме маленький ребёнок.

Оставить дом, уйти – не мудрено.
В другом приветят щедро и влюблено...
Метель скребётся в чёрное окно.
И плачет,
плачет
маленький
ребёнок.

* * *

Мы, уезжая, пропадаем,
А кто-то, падая в траву,
Так неподделанно рыдает,
Так больно, – будто сердце рвут.

Уносит дни, как листья, ветер,
И ворохом у ног – года.
Бездумно радостные встречи
Везут в вагонах поезда.

Ну кто, ну кто же разгадает
Разлук пустую маяту?..
Сто лет тебя я ожидаю.
И тысячу – ещё прожду.

* * *

Тяжелее весны не случилось –
Боль и радость бредут заодно...
Проморгал, когда юность стучалась
Молодую сиренью в окно.

Позабьлось, что снилось и было.
Мимо дни пролетели – их нет.
Словно бешеным паводком смью
Ветхий дом неустроенных лет.

Только верю я, что-то осталось
Про запас на торжественный день.
Ведь недаром, недаром стучалась
Мне в окно молодая сирень.

ПОДРАНОК

Утряна мягкая спросонок.
Оплавлен розовым зенит.
Под тонким шагом жеребёнка
Осока росная звенит...

Река без имени и силы
Туманит кудри ивняка.
Вдруг утка голову скосила
На звук взведённого курка.

Но выводок большого лета
Ещё не ведал о беде,
И хлестанула дробь дуплета
По сизым крыльям, по воде.

Без крика. Вверх! Укрыться где бы!
Мгновенье – стая на крыле...
Крылатых выручает небо,
Крылатым трудно на земле.

Одна от выводка отстала.
Всё ниже, медленней круги.
Дробина тихо остывала
В горячей вянущей крови.

Охотник радовался рано,
Из гильзы выдувая дым –
Стрелой обломанной
подранок
Рванулся к тучам
молодым.

Крыло упруго. Выше! Выше!
Глаза в пороховой золе.
Там небо –
раненым там тише.
Крылатым трудно на земле.

МАРТ

Тоненькая веточка в стакане –
Детская забава. Как всегда,
Липкими листочками вдруг станет
Комнатная тёплая вода.

За окошком так ещё морозно.
С крыши ветер падает, скользят.
И весне порадоваться можно,
Но поверить больно и нельзя.

* * *

Нет, никуда не убегу,
Куда б бежать не собирался.
На этом омском берегу
Я с давних детских лет остался.
Пусть даже высохнет река
И все моё забудут имя, –
Здесь вечно будут берега,
Что были до конца моими.

* * *

Вы всё знаете! Я вот не знаю,
Что случится со мною, когда
Развернётся по хмурому маю
Половодья большая вода.

Вас не тронет бедою стихия.
За двойными замками квартир,
К непогоде, как прежде, глухие,
Вы не взглянете даже на мир,

Где под брызгами, ветром и рёвом
Я на гиблом стою берегу.
Ни любви не осталось, ни крова,
А уйти всё равно не могу.

Вы узнаете, я не узнаю,
Что случилось со мною, когда
Размахнулась по хмурому маю
Половодья большая беда.